

ЛАНДШАФТ ПАМЯТИ: ОБ «ABECADŁO» ЧЕСЛАВА МИЛОША

ЕЛЕНА БРАЗГОВСКАЯ

Пермский государственный педагогический университет

Ключевые слова: *знак, репрезентация, локус, локализация смысла, ментальное пространство, аутентичность.*

Key words: *sign, representation, locus, localized sense, mental space, authenticity.*

Wiele miast, wiele krajów...

Czesław Miłosz

Реальность существует для нас лишь в той мере,
в какой она воссоздана мыслью.

Мераб Мамардашвили

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ, КРУГ ЗАДАЧ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

В статье рассматриваются возможности репрезентации пространственного измерения мира посредством словаря как литературной формы. В качестве материала выбран один из поздних текстов Чеслава Милоша – «Abecadło» (Азбука, Алфавит), написанный в форме энциклопедического *словаря*. Я сосредоточусь на проблеме архитектоники пространства, определяя это понятие более в дискурсивном, нежели собственно философском плане. В широком смысле, пространство есть среда человеческого существования, включающая не только физическую реальность, но также сферы культуры и мысли-сознания. Основной метод анализа – семиотический. Процесс репрезентации пространства имеет знаковую природу, и его описание в терминах метаязыка семиотики позволит «увидеть» авторский механизм отображения мира. Одна из частных задач работы – ответ на вопрос о том, в каком отношении для Чеслава Милоша находятся локально-индивидуальное и глобально-универсальное: «я» и пространство культуры. В итоге, это и ответ на кажущийся парадоксальным вопрос о степени индивидуальности своего «я»: возможности определения своей аутентичности. В решении этих задач объединяется ряд исследовательских направлений: культурология, философская антропология, теория текста, когнитивная лингвистика.

Положение о пространственно-временном измерении как ведущем сущностном атрибуте человеческой жизни универсально для всей интеллектуальной истории. Говоря о любой минуте жизни, мы имеем в виду только то, что фрагмент времени обязательно сопряжён с точкой, которую мы занимаем в пространстве. Наше познание мира также происходит в пространственно-временных рамках. Более того, для осмысления реальности мы вынуждены интерпретировать категории времени и пространства друг через друга (Bogel, 1960). Время визуализируется через некоторую делящуюся протяжённость: его символом становятся *река, нить, жизнь*. Или статичный (зафиксированный во времени) предмет: *песочные часы, клетси́дра* (Чертов, 1998). В обоих случаях, время обязательно объясняется через пространственную точку – *локус*.

Интерпретация мира начинается с процесса *локализации* – выделения пространственно-временной точки или целого дискурса, который также есть своего рода «точка». Изучение локусов и процессов локализации происходит в границах различных научных областей. Так, грамматический дейксис, знаки интертекстуальности – это инструменты языка и текста, позволяющие нам выделить и очертить локус в коммуникативной ситуации. Этот же процесс характеризует и функционирование нашей памяти. Каждый воспринимаемый объект, замещаясь знаком, обретает местоположение в памяти, и это даёт нам возможность вновь и вновь воспринимать его в отсутствии непосредственной рецепции. Смысл любого знака дискурсивен, поскольку предопределяется местом, которое референт (объект отображения) занимает в географическом пространстве, истории, культуре, социуме. В немалой степени «локальность» смысла объясняется даже тем языком, внутри / посредством которого происходит отображение. То есть для «распаковки» и вероятностного исчисления смыслов необходимо поместить текст в некоторое дискретное пространство культуры, языка, мысли, что обеспечит состояние устойчивого понимания в противовес фрактальному блужданию (Налимов, 2011, 143–144; Тарасенко, 2009). Одновременно каждому объекту, в терминологии Е. Григорьевой, может быть предписано бесконечное множество «локальных предсмыслов», что не позволяет окончательно «зафиксировать» восприятие *локуса-текста* в культуре (Григорьева, 2005, 210).

Соотношением знаков воспринятых предметов образуется «карта» ментальных репрезентаций, или топологическое пространство нашей памяти. В таком случае в исследовательское поле семиотики пространства можно включать семиотику «ландшафта мысли» (Подорога, 1995). Именно с этой точки зрения, как текст о пространстве физического существования, границах памяти и мысли можно интерпретировать «Abecadło» Чеслава Милоша¹. Топология памяти – непосредственный предмет моего внимания.

Несколько слов о милошевском «словаре». В структуру «Азбуки» издания 2010 года входит 200 статей, расположенных в алфавитном порядке. Как и в обычном словаре, имеющем определённую тематическую направленность (например, энциклопедическом философском словаре), в этой книге представлены тексты, создающие границы одной темы: XX век в биографии Милоша, и одновременно Чеслав Милош в истории своего века. Словарь, на первый взгляд, – достаточно далёкая от литературы форма. В сделанном по прошествии ряда лет предисловии Милош отмечает:

¹ В статье рассматривается издание 2010 года (Kraków: wyd. Literackie), объединившее два тома милошевских «Азбук»: «Abecadło Miłosza», 1997, и «Inne Abecadło», 1998.

Abecadlo jest zamiast powieści, czy czymś na pograniczu powieści, zgodnie z moim stałym poszukiwaniem «formy bardziej pojemnej». Zapytałem siebie: dlaczego nie spróbować formy dotychczas przeze mnie nie uprawianej, pozwalającej na dużo swobody, jako że nie goni za pięknem, ale rejestruje fakty (Miłosz, 2010б, 5). (*Азбука* написана вместо романа, или на обочине романа, в соответствии с моим постоянным поиском формы, всё более «вместительной», ёмкой. Я спросил себя: а почему бы не попробовать форму, до этого мною не использованную, но представляющую много свободы, поскольку в ней не надо гнаться за красотой стиля, но только регистрировать факты)².

Выбор формы словаря, как объясняет Милош, был предуготован, во-первых, ощущением необходимости создать текст, в котором бы отразился весь XX век. Модные техники наррации (от первого лица и о себе) не годятся для создания романа, или скорее, романа-репортажа – отчёта о людях, событиях, идеях, трагедиях и радостях нашего столетия (Miłosz, 1991, 116–117). Роман о XX веке пишет тот, кто сам включён в пространственно-временные границы столетия и собственной книги. Здесь, в отличие от истории как академической дисциплины или автобиографии, автор намеренно «изымает» временную составляющую, создавая *опространствленное время* – многомерное пространство мысли о времени и культуре. С большой степенью условности в «Азбуке» можно выделить ряд «точек», к которым обращены воспоминания и размышления:

- собственно *локусы* – страны, города, их улицы и даже отдельные дома;
- *люди* – друзья и знакомые, поэты, философы и художники; литературные и мифологические персонажи;
- *составляющие интеллектуального пространства XX века* – универсальные категории, абстрактные понятия, мировые религии, языки, книги.

Все они существуют в форме знаковых репрезентаций – текстов, разной степени «развёрнутости». Милош пишет: города, страны, языки, люди постепенно «оседают» в нас, приобретая новый смысл и становясь текстами (Miłosz, 2010б, 160). Поскольку каждый из текстов памяти имеет пространственное измерение и определённую степень дискретности, то может рассматриваться как *локус* (Мамардашвили, Пятигорский, 1997, 68–69). В «Азбуке» XX век предстаёт как мозаика локусов различной онтологической природы. Милош на имплицитном уровне возвращается к идее многомерности мира: есть мир физический, но есть и его «оборотная сторона» – мир идей и универсалий. Физический мир представлен в словаре описанием стран, городов, пейзажей. Референты отображения в статьях о языках, религиях, идеях, напротив, не имеют отчётливой пространственной локализации. Их границами, скорее, очерчивается интеллектуальная история века.

ТОПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ

Понятие «топология» предполагает описание структуры пространственных взаимосвязей между объектами некоторого множества. Топология пространства памяти актуализируется в виде ассоциативной сети текстов, референтами которых выступают различные

² Здесь и далее перевод мой. – Е. Б.

пространственно-временные точки мира. Рамки данной работы позволят только контурно обрисовать систему локусов в «Азбуке» Милоша.

Начну с парадигмы статей, посвящённых **городам и странам**. В отличие от своих предков, никогда не покидавших границ родного уезда, Милош – это человек мира. Вильнюс, Варшава, Париж, Бри-Комт-Робер, Беркли, Краков – лишь немногие точки на карте его жизни. Только на первый взгляд, это локусы физического пространства. На самом деле, память хранит их в виде символа, который при «прочтении» разворачивается в текст. Так, символической репрезентацией *Вильнюса* становится совмещение пластов времён, языков и культур. Феномен этого города в том, что у него нет прошлого, он существует в одновременности «сегодня» и «вчера». Это возникшее в юности ощущение Милош вновь испытал в 1992 году, побывав в Вильнюсе после пятидесяти двух лет отсутствия (Miłosz, 2010б, 214). Знак этого города – исключительная культурная множественность и «плодовитость» («wyjątkowa kulturalna płodność»). Вильнюс, отмечает Милош, всегда «колебался», «наклонялся» от одной культуры к другой. Однако его языки, религии, архитектурные стили не сменяли друг друга, не уходили в прошлое, но оставались, создавая всё новые пересечения-тексты. Так, православные деревянные церкви в XVIII веке растворялись среди готической, а далее барочной архитектуры. Старобелорусский язык государственных документов уступал место польскому, а в XIX веке Вильнюс уже ощущал мощное влияние русского языка и культуры. И этот мультикультурный потенциал позднее обнаруживается в творчестве всех, кто провёл юность в этом городе (Miłosz, 1979, 136, 137).

Как «пространство пересечений», но теперь уже пейзажей, Милош вспоминает и *Беркли* – второй по значимости город в его творческой биографии. Здесь вновь момент настоящего (виды Калифорнии – экстракт американских просторов и человеческого одиночества) срастался с памятью о прошлом: с литовскими пейзажами (Miłosz, 2010б, 70). Символом *Коннектикута* выбрано ощущение ухода («przemijalność»), связанное с осенью. С этим местом ассоциируются люди, которые в момент написания «Азбуки» уже стали тенью: Иосиф Бродский (Милош останавливался в его доме в Коннектикуте), профессор из Вильнюса Манфред Кридл, литовская знакомая Толя Богуцка, в которую Милош когда-то был немного влюблён и которую здесь, в Америке, встретил уже как известного психиатра (Miłosz, 2010б, 102).

Для репрезентации больших по пространственной протяжённости локусов – **стран, государств** – выбирается и более сложный способ отображения: символизация через систему бинарных оппозиций. Так, *Америка* (речь о США) – это пространство, где остро ощущается наличие «оборотной стороны» («przewrotność»). Доброжелательность людей странным образом оборачивается одиночеством каждого человека, богатство соседствует с нищетой, за спиной демократии маячит потенциальный тоталитаризм. Только выходец из Старого Света, пишет Милош, может в полной мере осознать, насколько эта страна актуализировала в XX веке «новое измерение пространства» («nowy wymiar») – творческий потенциал человека. Если в начале столетия интеллектуальный и культурный центр мира – это «старая» Европа, Франция, то в середине века художники, музыканты и писатели стремятся попасть в Америку. Поэзия, которую в Западной Европе к этому времени уже воспринимали как вид достаточно диковинного занятия (например, нумизматику), нашла страстных почитателей в университетских кампусах. Западноевропейские поэты через переводы обретали популярность и известность, прежде всего, здесь, в Америке. Именно

она открывала поэтам и возможность получения Нобелевской премии. В этом контексте Милош говорит, в частности, о себе и И. Бродском (Miłosz, 20106, 34–37).

В той же мере амбивалентно отношение к *Франции*. С одной стороны, отмечает Милош, гимназия и университет воспитали в нём «западный снобизм», ощущение магнетической притягательности французской культуры. Но когда он оказался в послевоенной Франции в качестве политического эмигранта, на первый план вышел совсем другой образ: страна, где интеллектуальная элита с априорным недоверием смотрит на талант чужестранца (Miłosz, 20106, 132–133).

В качестве пространственных локусов Милош рассматривает не только «точки» физического пространства, но и ментальные дискурсы – **языки и абстрактные идеи-понятия**. Любой язык, в особенности родной, материнский, становится *домом* человека: «Jezyk jest <...> moim domem, z którgum wędruje po świecie» (Miłosz, 20106, 245). Милош считал, что место его рождения – это сначала польский язык, а потом уже Литва как часть Российской империи. Отсюда определение отношений поэта и языка: *zadomowienie w języku*, существование внутри языкового *дома*. Отсутствие языка, на котором пишешь, есть своего рода бездомность, которая неуклонно ведёт писателя к самоубийству – физическому или духовному (Miłosz, 1992, 197). «Укоренённостью» в польском языке Милош объясняет, почему он не может писать на языках, ставших его второй отчизной – французском и, особенно, английском. «Моё мышление – пишет Милош, – очень тесно связано с коконом того языка, в котором я родился», и «чем дальше в пространстве меня заносила судьба (Калифорния – это всё-таки достаточно далеко), тем больше искал я связи со своими истоками, с родным языком» (Miłosz, 2006, 4, 10).

Внимание к языкам – это следствие особенностей лингвистической биографии самого поэта: необходимости в течение жизни осваивать пространства всё новых систем коммуникации. По замечанию Т. Венцловы, Ч. Милош, как и И. Бродский, был поэтом, сущность которого определяла жизнью на границе языков. В этом смысле, к нему приложимо определение *кентавр*:

Byli centaurami – istnieli jednocześnie w dwóch porządkach, dwóch krajach, dwóch językach, dwóch czasach <...> (Venclova, 2007, 11). (Они были кентаврами – одновременно существовали в рамках двух систем, двух государств, в двух языках, двух временах <...>).

В «Азбуку» включены отдельные заметки о польском, английском, французском и русском языках, в ряде статей упоминаются немецкий, латинский, греческий. Неоднократно Милош упоминает о символизме языка вильнюсской архитектуры, о языке вещного мира, посредством которых с нами говорят Бог и Природа, приоткрывая для нас многообразие бесконечного мира. И вновь, как в случае с локусами физической природы, пространство каждого языка репрезентируется через собственный образ. *Французский язык* даёт практически физическое ощущение классической соразмерности и ясности литературного стиля («klasyczna równowaga i klarowność») – предмет постоянных творческих поисков Милоша (Miłosz, 20106, 135). *Русский язык* ассоциируется с «силой и семантической плотностью» строк Александра Пушкина: они живут в памяти, словно вырезанные на века резцом скульптора (Miłosz, 20106, 271)³.

³ В статье рассматривается издание 2010 года (Kraków: wyd. Literackie), объединившее два тома милошевских «Азбук»: «Abecadło Miłosza», 1997, и «Inne Abecadło», 1998.

Язык выполняет функцию пространственного локуса также и для всего человечества. Язык есть отдельная страна, в которой пространственное измерение может преобладать над временем. Так, не будучи современниками Мицкевича, мы встречаемся с ним в польском языке (Miłosz, 2010б, 358). Создавая человека, язык выделяет его из природы, выстраивая оппозиции природного и принадлежащего культуре, устанавливая этические границы между добром и злом, которых не знает природа (Miłosz, 1969, 120). Если язык – пространство и условие существования человека, тогда смена языка, как и любого локуса, влечёт за собой не только расширение границ мира, но и, в определённой степени, трансформацию нашей индивидуальности:

W odmowie narzucenia sobie przełomu, czyli przejścia w pisanii na inny język, dopatruję się obawy przed utratą tożsamości, bo na pewno, zmieniając język, stajemy się kimś innym (Miłosz, 2010б, 245–246). (В собственном отказе от возможности перемен, или перехода на создание текста на другом языке, я усматриваю страх перед утратой самоидентичности, поскольку совершенно точно, что, меняя язык, мы становимся кем-то другим).

Следующий вид локусов, представленных в «Азбуке», относится к наиболее парадоксальным. Это **абстракции, концептуальные понятия**. С одной стороны, они лишены отчётливой пространственно-временной локализации в физическом мире, что, казалось бы, и не даёт нам права говорить о них, как о локусах. С другой стороны, абстракции – это среда существования философа, «точки вхождения в мысль» (Мамардашвили, 1997, 257). Абстракции получают локализацию в семиосфере, становясь персонажами интеллектуальной истории. Большинство из них даже не имеют привязки к границам национальных языков и культур. В этом смысле Милош говорит о «бездомности правды» (Miłosz, 2010а, 228–238).

Концептуальные понятия образуют «внутреннюю келью» философа-поэта, которая всегда пребывает с ним, куда бы он ни перемещался во внешнем пространстве (Мамардашвили, 1999, 68). Собственный вариант смыслового раскрытия этих абстракций есть способ локализовать сознание в культуре. Как результат, интеллектуальное пространство мира подобно системе сот, куда каждый из нас кладёт мёд мысли, открытий, наших дел, наших жизней (Miłosz, 2010б, 102).

Вот пример вхождения в понятие *Любопытство* (Ciekawość). Мир – это лабиринт. Мы бесконечно открываем в нём новые детали, подробности, этажи, а он при этом не стоит на месте, а растёт, развивается, пульсирует. Наш интеллект – как подозрительная труба, которую можно использовать для увеличения или уменьшения. Язык и наука редуцируют «подробности» жизни: ведь им интересны классы и типы, а не индивидуальное. Любопытство же рождает желание «дотронуться» до каждой детали, назвать и прожить её. Любопытство позволяет открыть новый угол зрения, увидеть уже освоенные взглядом и мыслью вещи как неизвестные. К сожалению, любопытство человека и его стремление к познанию не являются для Творца достаточным доводом против смерти (Miłosz, 2010б, 98–99, 198).

Мышление внутри понятийного пространства рождает текст, но не позволяет определить само понятие. Абстракции закрыты надёжным панцирем, недоступным мышлению и языку: «są oprancerzone przeciw rozumowi» (Miłosz, 2002, 66). Невозможно говорить о «сейчас», убегающем в будущее или прошлое. Язык, как и музыка, выступает

модуляцией времени, переводя время-ритм в пространственные образы. Остаётся недосягаемым огромное желание выйти за границы времени в чистую безвременность, пространство платоновских универсалий (Miłosz, 20106, 104–105).

Абстракции актуализируются и обретают жизнь в текстах. Само пространство культуры становится домом того, кто мысль и «возможные миры» литературы считает не менее реальными, чем мир физических форм:

Byłem mieszkańcem krainy idealnej, istniejącej bardziej w czasie niż w przestrzeni. Tworzyły ją stare przekłady Biblii, pieśni kościelne, Kochanowski, Mickiewicz, poezja mnie współczesna (Miłosz, 20106, 246). (Я жил в стране, которая существовала более во времени, нежели в пространстве. Её создавали старые переводы Библии, псалмы, Кохановский, Мицкевич, современная мне поэзия).

Роль локусов выполняли для Милоша даже отдельные книги, которые, как он пишет, делают нас «многомерным существом» («istota wielowymiarowa»), выстраивая и создавая как человека (в этом смысле употребляется определение «budujące lektury»). Так, романы Достоевского укрепляли присущее Милошу отчётливое ощущение невозможности спокойной и твёрдой *Веры*. Балансирование между верой и неверием, эрозия веры, необходимость сомнения заложены самой двойственной природой человека: сопряжением тела и души, жизни и ухода в вечность. Твёрдая вера, считает Милош, есть редким даром. Да и истинно ли верит тот, кто не сомневается (Miłosz, 20106, 113, 180)?

Милош – человек, локализованный в пространстве культуры (интеллектуальной истории). Но, осознавая над собой власть её языков и текстов, он не может не задавать вопрос о собственной *аутентичности*. Можно ли обнаружить зафиксированную точку – себя самого, пребывающего вне стилистических влияний, «утверждённых» культурой форм и традиций, заимствованных направлений мысли? Когда я пишу – говорит поэт, – то всегда страх, что пишу не я, а язык, который вместе со всей своей традицией правит нами: «sam język, łącznie z całą jego tradycją, rządzi nami». Мы все зависим от языка, которым, как нам только кажется, мы владеем (Miłosz, 20106, 56).

Пространство памяти актуализировано в «Азбуке» в виде **ассоциативной сети текстов**. Ассоциация – единственно верная идея для упорядочивания любого рода действительности (Miłosz, 1979, 36). Внутренними ссылками в словаре создаются «узлы», позволяющие переходить от одного концептуального представления к другому. В свою очередь, отмечает Милош, это возможность выйти за границы «стадного мышления», которое в XX веке известно нам под именем «политкорректности» (Miłosz, 20106, 74). Не случайно, первая статья «Азбуки» носит название «А кстати» («A przecie»). «Кстати» – не вводное слово, а оператор ассоциативного мышления: думаешь о себе, и в каждую минуту ищешь связь с собой давним, с детством или с теми, кто тебя окружает; любые попытки линейной организации мысли сразу же прерываются вспомненным, pomysленным по аналогии, этим самым «а кстати» (Miłosz, 20106, 10).

Внутренняя структура памяти (её «ландшафт») выстраивается бинарными оппозициями, создающими границы мысли. Среди основных оппозиций книги: *вера – неверие, анонимность – авторство, исчезновение – зафиксированность* (в слове). При этом пространство памяти остаётся подвижной структурой, в которой семантический центр и

периферия постоянно занимают новые позиции. Можно допустить, что центральной точкой каждый раз оказывается то понятие, которому посвящена статья. Именно оно для своего раскрытия переорганизует остальной массив словаря. Так, *Исчезновение* (*Znikanie*) интерпретируется через концепты *Аутентичность* (*Autentyczność*), *Время* (*Czas*), *Правда* (*Prawda*), *Язык* (*Język*), *Знание* (*Wiedza*) и др. Ассоциативные связи и постоянные перемещения понятий в новые парадигмы создают важнейший атрибут пространства мысли: его недискретность, континуальность.

Занимаясь семиотикой ментального пространства, нельзя не затронуть вопрос о «доступности» его локусов для восприятия. Приоткрытие опыта другого человека возможно только в случае визуализации образа – иконического отображения текстов этого пространства. Вопрос о том, насколько **наблюдаемыми** делает Милош систему локусов своей памяти, содержит парадоксальную неоднозначность. С одной стороны, Милош-поэт, Милош-философ пишет о необходимости «достичь словом мира» («*uchwycić rzeczywistość*»), имея в виду не только мир физических форм, но и мысль. Предпосылкой того, что слово когда-либо сольётся с вещью, станет одним целым с тем, что отражает, является наше внимание к деталям жизни, пристальный и очень доброжелательный взгляд на природу и людей – то, что Милош определяет как *Uważność* (Miłosz, 2010б, 333). Вербализация увиденного создаст визуально наблюдаемый образ вещи, позволит ощутить её существование, а значит пережить состояние эпифании (Miłosz, 2010б, 255). О важности эпифаний Милош пишет неоднократно, подчёркивая, что это состояние даёт ему отчётливое ощущение единения с бытием мира («*współistnienie*»):

<...> stajemy się jednym z całym światem, górą, kwiatem, przelatującym ptakiem.
<...> Nie możesz istnieć osobno. Musisz istnieć razem ze wszystkimi rzeczami (Miłosz, 2010б, 309, 335). (Мы становимся одним с целым миром, горой, цветком, пролетающей птицей. Ты не можешь существовать изолированно. Надо жить вместе со всем, что существует).

Парадоксальность заключается в том, что Милош пишет об эпифаниях, не создавая их. Если говорить о его стилистике на языке семиотики, то очевидно следующее. В «Азбуке» Милош в большей степени индексирует «подробности мира»: голоса людей, звуки языков, ощущения, детали архитектуры городов и пейзажей. Если и можно говорить о присутствии иконического способа отображения, то это отображение направления взгляда, строя мысли – то есть визуально ненаблюдаемых процессов. Прежде всего, это объясняется назначением и жанром книги. Словарь – это итог поиска формы, способной вместить в себя многоплановость и многообразие существующего: жизнь, время и сознание. Отсюда и её авторское определение: *forma bardziej pojemna*, форма, способная вобрать в себя более, нежели другие. Милош пишет: я создавал «Азбуку» вместо личного дневника, вместо романа о своём столетии. Но как вместить в словарь все подробности своей жизни и жизни тех, кто существует с тобой в одном интеллектуальном пространстве? Единственная возможность – не стремиться к детальному описанию, не доводить стиль до совершенства, а «регистрировать факты»: «создавать своего рода реестр жизнеописаний и событий». Мои герои появляются на миг, словно в блеске молнии, я могу упомянуть незначительные, с чьей-то точки зрения, подробности, хотя, возможно, стоило бы говорить «вглубь», детально. Но в чём

тогда преимущество словаря как художественной формы? Он даёт свободу восстанавливать картину века по разрозненным упомянутым именам, названиям, деталям, а значит обеспечить «присутствие неприсутствующего» («obecna nieobecność») (Miłosz, 2010б, 5, 10, 358).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В «Ogród nauk» Милош цитирует Симону Вайль: контемпляция времени есть ключ к человеческой жизни (Miłosz, 1979, 22). Сам же Милош в большей степени стремился к контемпляции пространственных точек. В «Азбуке» нет «меланхолии ухода» («melancholia przemijania»). Эту книгу можно рассматривать как способ репрезентации пространственного измерения мира: каждая вещь живёт только в «сейчас», даже если она уже стала прошлым. Текст, написанный в форме словаря, отображает пространство памяти своего автора. А память пожилого человека, пишет о себе Милош, подобна дому, который распахнут для голосов людей, для мыслей тех, кого знал лично или с кем сблизался по книгам внутри языка и культуры (Miłosz, 2010б, 6). Здесь по линиям ассоциативных связей возможен переход между локусами различной онтологической природы: точками физической реальности («wiele miast, wiele krajów»), языками, текстами культуры, концептуальными понятиями как средой обитания мысли. И поскольку все локусы отображаются из перспективы долгой насыщенной жизни, они, в прямом смысле, становятся точками, индексами, «свёрнутыми» текстами, каждый из которых можно развернуть в романное или философское повествование.

В каком пространстве, в итоге, живёт человек? Закрывая последнюю страницу «Азбуки», приходишь к выводу, что, прежде всего, в пространстве языка, культуры, памяти, а не в том, что мы привыкли именовать физической реальностью. Мир существует лишь постольку, поскольку отображается и создаётся в языке и тексте. Милош, который ни в одном из своих сочинений не упоминал имя Ф. де Соссюра, высказывает практически тождественную ему точку зрения. В процессе означивания мира мы никогда не имеем дела с реальным, физически воплощённым референтом, поскольку наши означаемые – это всегда образ, хранимый нашей памятью, всегда текст разной степени проговорённости.

И последний вопрос. Если человек помещён в глобальный локус-дискурс – пространство культуры, которым во многом предуготовано то, *что* мы пишем, *как* видим мир, то насколько реально говорить о своей аутентичности? И связана ли она с происхождением, например, «польскостью»? Милош не отвечает на этот важнейший вопрос прямо. Он локализует себя относительно родного языка. Но одновременно отмечает, что «создавала» его вся мировая культура, и этот факт находит непосредственное подтверждение в словнике – списке статей его книги. Милош принадлежит к числу поэтов-мыслителей, писавших практически исключительно на родном языке, но перешагнувших границы национальной литературы. Аутентичность – это, возможно, сохранение способа своего существования в культуре, строя мысли. Личное пространство Милоша тождественно тому, которое он определил для У. Блейка. Это «страна интеллектуальной охоты», где человек ставит перед собой единственную цель – догнать ускользающий и постоянно обновляющийся смысл вещей:

<...> kraina wiecznych intelektualnych łowów,
 pogoni za nieustannie odnawiającym się sensem rzeczy» («Niebiańskie»).

(А такое пространство не имеет национальных границ).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Григорьева Е. Г. (2005). Эмблема: Очерки по теории и практике регулярных механизмов культуры. Москва: Водолей Publishers.
- Мамардашвили М. (1999). Одиночество – моя профессия // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. Москва: Прогресс.
- Мамардашвили М. К., Пятиторский А. М. (1997). Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. Москва: Языки русской культуры.
- Налимов В. В. (2011). Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Москва: Академический Проект.
- Подорога В. А. (1995). Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Киркегор. Ницше. Хайдеггер. Пруст. Кафка. Ad Marginem.
- Тарасенко В. В. (2009). Фрактальная семиотика: «слепые пятна» и перипетии узнавания. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ.
- Чертов Л. Ф. (1998). Часы как пространственная модель времени // Мифология и повседневность. СПб.: РХГУ, с. 104–114.
- Borel E. (1960). Space and Time. New York: Dover Publications.
- Miłosz Cz. (2010a). O podrózach w czasie. Kraków: Znak.
- Miłosz Cz. (2010b). Abecadło. Kraków: Wyd. Literackie.
- Miłosz Cz. (2006). Conversations. Mississippi: University Press of Mississippi.
- Miłosz Cz. (2002). Traktat teologiczny // Miłosz Cz. Druga przestrzeń. Kraków: Znak.
- Miłosz Cz. (1992). Szukanie ojczyzny. Kraków: Znak.
- Miłosz Cz. (1991). Rok myślowego. Kraków: Wydawnictwo Znak.
- Miłosz Cz. (1979). Ogród nauk. Paryż: Instytut Literacki.
- Miłosz Cz. (1969). Widzenia nad Zatoką San Francisco. Paryż: Instytut Literacki.
- Venclova T. (2007). Przedmowa // Grudzińska-Gross I. Miłosz i Brodki: pole magnetyczne. Kraków: Znak.

Elena Brazgovskaja

LANDSCAPE OF MEMORY: CZESŁAW MIŁOSZ'S "ABC"

Summary

The aim of this article is to draw the possibilities of space representation in Czesław Miłosz's "ABC" written in the form of encyclopedic dictionary. We define the concept of "space" more in the discursive, rather than actually philosophical sense: as global environment of human existence, include the world of things, culture and memory. The subject of the study – space of individual memory – expands the boundaries of spatial semiotics. The memory is represented as a system of loci different ontological nature: cities and countries, languages, cultural texts, concepts. The structure of the mental space is described as an associative network of loci, updated in the form of texts. Closing the last page of the "ABC", one comes to the conclusion that person lives in the space of language, culture, memory which are the true reality. The world exists, as we translate it into the signs and texts.